

55

У. С. С.

М. Чернявскій.

ЗЪ РОЗПУТТИВЪ ЖЫТТЯ

(1. Пидъ похылою вербою, 2. Въ затышку,
3. Степовый сокиль, 4. Тополи).

НАКАТАНО

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

К І Е В Ъ

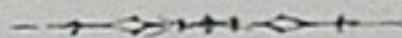
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1908.

ЗЪ РОЗПУТТИВЪ ЖЫТТЯ

(1. Пидъ похылою вербою, 2. Въ затышку,
3. Степовый сокиль, 4. Тополи).

Отгискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1903.

Дозволено цензурою. Київъ, 27 августа 1903 года.

Центральна бібліотека
АН УРСР
Інв. № 001806100

Шидъ похылою вербою.

На Днипри зибралось циле мисто зъ плотивъ. Вельки й менши, зъ чепурными «хазяйськымы» куринями и зовсимъ безъ усякого захысту для людей про негоду,—плоты щильно позбы-валысь одынь до одного, мицно взялысь якорямы за берегы й нерухомо стоялы проты быстрой воды. А вода проходила мимо зъ якымъ-ся немовъ электрычнымъ, напруженнямъ, и ризала, п лоскотала ихъ слызьки боки.

Ждалы годыны, щобъ спускатысь на порогы. Але цили тыждни витерь дувъ одъ моря и, збываючы на порогахъ вельку хвылю, боронывъ пускаты плоты на перлови, ревучи хребты ихъ водобойвъ.

Плотовщане-лытвыны тому й ради булы. Чы ждаты, то й ждаты. Розиклавшы на берези огни, воны лежалы и сыдили били ихъ цили дни, байдуже розмовляючы п тягнучы пахучый—на ихъ смакъ—дымъ зъ своихъ люлѣкъ. Хмары мошкы и комаривъ мало имъ шкодылы, та й булы то все люде звычни до сїей весняной кары. То бувъ сирый, брудный людъ, въ обшарпаній, давно немытій одежи, постолахъ п билыхъ свыткахъ, вытканыхъ зъ билон вовны овецъ далекои Билорусчыны. Мижъ ихъ попадалысь охочи до піяцтва и воны неслы своему веселому богови добру даныну, корыстуючыся зъ зайвого часу, тихой годыны, поэтычної обстановы, а найпаче—зъ того, що мисто, и вельке мисто, було тутъ-же разъ на гори.

Я кажу—зъ поэтычної обстановы, бо картина повноводого Днипра була й справди гарна. Тутъ, на берези, надъ водою, стоялы велелитни похыли вербы та осокоры, а тамъ—розвернувся блакитною, живою площею Днипро. Часомъ, геть понадъ другимъ берегомъ, пробигавъ гомонливый, маленький параходыкъ и пидіймавъ обоки себе перловый шумъ хвыли. Опивдень налетила, була, тепла весняна хмара и, покропывши и вербы, и Днипро, и лывынивъ веснянымы тепло-блыскучымы пскрамы, полынула дали, затуманоючы на який часъ живою ситкою ясну далечинь.

Вечорило. Пидъ однією вербою, що нахылылась своею вершыною до воды, горивъ огонь, а бия ёго сыдила невеличка купа лывынивъ. Вони сыдили, потупывши погляды своихъ тмянооливьяныхъ очей въ коломя палаючыхъ головешокъ, и мовчалы. Ихъ було трое: маленький дидокъ, що разъ-у-разъ чухавъ соби спыну, молодой парубокъ—билолыцый и билоголовый, и третій—чоловикъ рокивъ трыдцяты пята—зъ рудою кудлатою головою и рябымъ облыччямъ.

— А чули, што бають люди?—промовывъ дидокъ, сипаючы правымъ плечемъ,—плыть-та на парогахъ вчерась разбило... Яны значыть,—на бабайку!.. А ёнь, лоцманъ-та, гукае: «кидай, само пройдя!..» Ань ни прашло—хряснуло объ каменя... Яны, лоцмань, тожъ багато знають!..

Ця сумна звистка, здавалось, мало здывувала рудого кудлатого лывына.

— Што жъ, ето бувае...—сказавъ винь.—А хыба вчерась вже пускали плиты?

— Пускали.

Имъ обомъ було байдуже: ну, розбыло плота, й розбыло. Бильшь коны лыха не буде.. Але молодого хлопця, Петруся, що йшовъ зъ плотамы тилькы першый рикъ, ся звистка вразыла гострымъ ножемъ у самисеньке сердце.

— А люди ни патопли?—спытався винь у дида.

— Ни чуть. Мабуть павыщывали.

— А плыть-та чій?—зновъ пытае Петрусь.

— Чій же будя—жыдовскій!.. Все плиты у ихъ въ рукахъ,—промовывъ дидъ и трохи перегода додавъ: — подкинь-ка чурокъ, погасне.

Петрусь пидкынувъ дривецъ и огонь загравъ веселійше.

Уже зовсимъ звечерило. Теперь огни лытвынивъ у темряви удавали фантастычну картину. Здавалось, що то якись, ще до-исторычни, люде зибралысь тутъ пидъ велетнямы-деревамы, и розиклавшы огни, розмовляють и правлять свои свята, чы трызны.

Плямы світу сягали вгору до чорныхъ, лапатыхъ гилокъ, сягали вбикъ на Днипро и выблыскували червоными смугама по ёго живому скли.

Ось понадъ берегомъ проплывла душогубка и на яку хвылыну помаячыла пидъ сяевомъ на блискучій води. И зныкла. Пирнула зновъ у темряву. Зновъ промайнула ныжче въ освитленій смузи воды и зновъ зныкла. На ній вымалёвувалось дви чоловічи постати.

Скризь по берези чуты спивы и гоминь. Десь на далекому плоти хтось тужно грае на рижокъ. Чуты, якъ наближається зъ миста кумпанія п'яныхъ лытвынивъ. Вони безладно спивають и выгукують якусь писню. Можна пійматы тилькы слова:

На чужо-ой старань!..

А тутъ же, десь зовсимъ близько, выпивуе соловей и дрибно розсыпае срибно-яскрявымы перламы своей все одніей, але чудовой, писни кохання...

А на всю шо картину дывытся тысячыма очей замыслено-поэтычна украиньска веспяна ничъ и ловыть коженъ згукъ тысячыма ушей. А сама мовчыть — вельчня и спокійна у свой чаривній вроди.

Лытвыны повечерялы и лягають спаты. Огни догоряють и погасають. Повечерявъ и Петрусь зъ своимы товаришамы и ти, укывшысь свыткамы, лягли спаты. Вони заснулы скоро, але Петрусь заснуты не мигъ. Звистка, що на порогахъ розбыло плота, зворушыла всю ёго душу. Та й не дарма. Тилькы торикъ,

на тихъ самыхъ порогахъ, утошь ёго батько... Петрусь добре памятае, якъ торикъ выряжалы ёго на плоты. Ще тилькы-тилькы ричка стала ввиходыты въ берегы, тилькы що почала вызначатыся звычайна іи течія, якъ ёго поклыкалы до жыда-орендаря: «завтра пускають плоты,—збирайся!» Якъ ёму се було не до вподобы, якъ винь даявся!.. Але ничого не вдіешь. Винь бувъ у жыда въ рукахъ, якъ пташка въ клитци... Жыдь годувавъ и ёго, и ёго семью ще зъ Пылыпивкы. Треба видробляты набране на видробитокъ. Треба...

Повернувся до-дому батько темный, якъ ничь. Винь, тилькы увійшовъ у хату, почавъ лютуваты и шпурляты все геть видь себе. Потимъ веливъ жинци зварыты картопли и добуты горилкы. Заставылы якусь одежыну и добулы горилкы. Винь пывъ іи самъ, мовчки, не зайидаючы навить картоплею, и скоро упывся. Годи ставъ веселый. Почавъ хвалытысь,—скильки винь свиту побачить, яки мисця... Казавъ, що не слидь журытысь, покы винь жывый та здоровый... Що винь привезе всимъ подарункы... Почавъ цилуваты матирь... И потимъ заплакавъ. Винь плакавъ и тилькы вымовлявъ: «ничаво... ничаво...»

Винь бувъ зовсимъ пьяный.

Другого дни вранци Петрусь пишовъ провожаты ёго до плоту. Плить стоявъ уже напотови коло ричкы, на вырубѣ. Воны силы въ душоубку и поплылы по поводи, лисомъ, до вырубѣ. Батько бувъ сумный и неговоркый. Винь мовчки грибъ весломъ, помынаючы куци та дерева. Прыйихалы до плоту. Тамъ уже все було напотови. Скоро жъ и рушылы въ дорогу. Помолылысь гуртомъ Богови й пустылы плить зъ прычалу. Винь заразъ же й пишовъ плавко за водою. Батько стоявъ на бабайци и гукнувъ ёму на останни: «гляды жь... дома!..»

Ото винь чувъ ёго голосъ и бачывъ ёго въ останній разъ. И теперь, ислея того, якъ винь почувъ про розбытый на порогахъ плить, ёго молода, палка думка заразъ же змалювала ёму страшну картыну загыну ёго батька. Ёму здавалося, що винь чуетъ заразъ страшный, ревучый гоминь порогивъ, и колы винь заплющывавъ очи, то бачывъ велычезни сиры водяни горы, що

клокочуть и стрыбають одна на одну и шалено бижать одна за одною невидомо куды. И баче винь на тихь горахь «плыть»... Розбывае ёго кожна хвыля все бильше и бильше... Перелякани люде збезглуздили зь жаху и упалы и повчиплялысь рукамы за мокри дерева, а други бигають по плоту и провалюются въ щилыны промижъ розметаныхь деревь...

О. Боже, яка страшна хвылына!..

А пороги ревуть, и гудуть, и дзвоняць, и стогнуть... А кыплячи хвыли рынуть невидомо куды и штовхають бидный плить и туды, и сюды... И винь самь гоїдається увесь, и дрижыть, и скрыпыть...

Але ось... Боже, що се?!..

То каминь, сирый, гризный каминь вырынае зь шуму и брызокь... Винь рвется до плота проты воды... Розрыва хвыли, якь гострый пижь крае хлибь, якь плугь риже землю и страшенно скоро наблыжається до плоту...

Тр-р-р-а-хь!..

И плить зь усёго розгону бьется объ той каминь!.. Якь триски, якь никчемни цуркы, розлетилысь, розирвалысь, поставалы сторчъ и на хвылыну мовь запынылысь у тымь становыщи велетенськи стовбури столитныхь сосень и ялынъ... Мыть—и воны поплывды за несытою, шаленою хвылею...

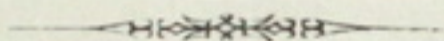
А люде, де воны?

И баче Петрусь блидого, на смерть переляканого батька. Винь ухопывся за деревыну и сылкуется удержатись за ней... Винь держытся, але тилькы мыть... Деревына гоїдається и крутытся, мовь валь у водяному млыни... Батько живо-живо перебирае рукамы, хапается за ней... хапается за хвылю... и зныкае пидь кыпучою, гремучою водою...

Пидвився Петрусь. Жене видь себе страшну оману. Протырае очи... И баче винь—лагидный и тихый, якь небо, Днипро, и выблыскують на ёму, мовь на неби, ясни зиркы. А дали маячать дерева другого берега, повыти мяякою ничною млою. Погляне вгору,—и баче, якь звысла надь нымь похыла верба, мовь

нахылылась маты и простяга до ёго свои руки... А кризь виты вербы сяють ясни, блыскучи весняни зори. И чые винъ, якъ десь недалеко, зовсимъ недалеко, спивае, ажъ умливае, соловейко.

А ляже, укрыется свытою, склепыть очи,—и зновъ ревуть, гудуть, дзвоняць, бурхають и стогнуть пороги, и баче винъ шалени сыви хвыли и блиде облыччя на смерть переляканого батька...

Въ затышку.

Далеко геть роскынувся старый панський садъ и по долини й по узгирри. Не на одни гоны простягся винь по-надъ глыбокою та спокійною ричкою. А била саду стоить старый панський будынокъ. Неначе скырта по-мижъ копыць, визначається винь зпомижъ убогихъ мужычыхъ хать, що роскынулись геть по-пидъ горою, або немовъ горда, била лебедыня прыбылась до сирыхъ гусей, тай стала поодаль.

Збудований у старовыну, колы давни запорожськи займанщыны оддавались пидъ селытбы сербамъ та волохамъ, винь здається справжнимъ палацомъ передъ будивлямы нашего часу. Высоко винь стоить на камяному фундаменти, зъ мезоныномъ и двома кганкамы, що пышаються рядами билыхъ мурованыхъ колонъ. Але на всій будивли уже помитна печать занепаду. Зализна покривля красылась невидомо колы, быльця кганкивъ на мезоныни порозхытувались и весь будынокъ давно вже дождае поваплення. Велычезный табунъ дыкыхъ голубивъ, подибныхъ до горлыць, оселывся пидъ покривлею мезоныну й цили дни крутытся надъ будынкомъ. Гоминь крылатыхъ жыльцивъ весь день стоить надъ камяницею и повывае будынокъ якоюсь тыхою, стародавнею поэзією. Широкий панський двиръ густо зарисъ высокымъ бурьяномъ. Тутъ вильно росте и полынь и деревій и пануе похожа на резеду, опорошена своимъ цвитомъ, мовъ борошномъ,

лобода. Де-не-де гордо стоять колючи, широколысти, червоноголови будякы, и часомъ трапляется блакитна зирка петрового ба-тога.

Скризь, и на панськимъ садови, и на будынкovi и на всѣму двори ясно визначаються и достаткы старого часу, и занедбаннiсть, а може й убогiсть—теперiшнѣго. Велькый садъ, велькый будынокъ, камяни стайни, базы, возивни и инше,—все те занехаяне и занедбане, стоять и валытcя безъ нiякого догляду й порятунку. На широкому двори не помитно нiякого жыття. Стара вербова колода, що лежала бiля колодязя ще десять литъ назадъ, и теперь лежыть на тимъ самимъ мiсци, обгорнута буйною лободою. Стежки черезъ двирь тежъ заростають: мiсце пидъ ими бильше потрібне тiй самiй лободи, нижъ людямъ. Бо никому ходыты по тыхъ дорижкахъ... Жыви истоты тилькы й вештаются побiля пекарни. Тамъ осередокъ жыття сѣго велького, напивъ-замерлого двору. Але и въ тому вештани виразно визначається рыса байдужосты й линощивъ. Никуды поспишатысь, ничого хапатысь. Тилькы у обидь молода слугивныця Пашка хутко-хутко перебигае босымы ногамы зъ горныць до пекарни, и тако-жъ хутко повертається до горныць, несучы, вся залыта слевомъ сонця, страву на обидь старiй пани. Пани любыть за обидомъ порядокъ и не любыть дожыдатысь змины стравъ.

Линощи оповывають увесь панськый двирь. Навить два двирьски цы и ти жывуть цилкомъ у ихъ обiймахъ. Що-дня лежать воны нерухомо бiля пекарни и дримають, зовсимъ такъ, якъ колысь у блаженни стари часы дримало наше родовыте та гоноровыте, напоене й нагодоване старе панство. Иноди тилькы наймыть, визныкъ Остапъ, заспанный и зкуѣвданный, вештається бiля стайни, чухае свою дебелу потылицю й лається, докоряючы, «каторжну роботу», що за нею никола бидному чоловікови й выспатысь добре. Але, знаючы ёго звычай, треба тилькы дывуватысь,—якъ може чоловікъ такъ багато спаты?—Хропе винъ всю ничъ и потимъ куняе до обидь й спыть, зарывшыся въ сино й скинувши чоботы на половины—щобъ и душно не було, и мухы не кусалы голыхъ нигъ—ажъ до полудня.

Любыть добре выспатысь и клошныця, Олексіевна. Та й хто такы, справди, не любыть поспаты? И яка була бь цина нашого жыття, колы бь не можна було хочь половину ёго проспаты?..

Такь думае и сама пани, Тытяна Ахрыканивна Кушырева. И що-дня пнсля обидь забываються щильно виконныци и опочывальни, затыкаются вси щилыны, куды бь ухытрывсь проскочыты денный свить, выгоняются вси, до одіен мухы, и Тытяна Ахрыканивна, понойны за обидомь сама соби,—бо вона одынока вдова,—доброго борщу, чого-небудь печеного, закусывышы холоднымь, червоно-сахарыстымь, що, бувае, ажь ренне пидь пожемь, кавуномь та пахучою жовто-мясою дынею, лягае спочываты. Ляже и засынае безтурботнымь, солодкымь сномь.

И все иж жыття було такымь солодкымь сномь. Тилькы й горя вона зазнала, якь умерь иж чоловікь. Але й те лыхо пролынуло надь нею, якь який велькый чорный птахь, вийнуло надь иж головою чорнымь холоднымь крыломь и поплыло геть по сынему небу, утонаючы десь у блакитному сяви...

Такь мыналы рокы, однакови, ровни й певни, якь и самь иж спокій. Сонце вставало що-дня надь стайнею и день-у-день погасало за садомь. И сама пани, лягаючы у постиль пнсля обидь, була уневна, що, заснувышы, прокынется черезь дви годыны.

Такь було й сёгодня.

Тытяна Ахрыканивна прокынулась годыны за дви передь заходомь сонця, напылась холодной воды зь лёдомь, выйшла на кганокь и села на своёму звычайному криси, на звычайному своёму мисци. Въ рукахь у неи якесь плетиння—плете вона ко-мусь на подарунокь,—а бия нигь уже сыдыть вирна клошныця, Олексіевна.

Олексіевна служыла свойй пани ще за панського права. Правда, тоди пани Тытяна Ахрыканивна не была паніею, а была стрункою, вродливою, веселою панночкою, а сама Олексіевна была тилькы палко-чорноокою, смуглявою Катькою. Вона была молодша одь пани. И все иж жыття мынуло бия пани. Безь пани не

було бѣ и Олексіевны, а може безъ Олексіевны не було бѣ и пани—такой, якъ вона есть. Ихъ жыття непомитно, але мицно було зв'язане. Такъ блидолицый мисяць навикы зв'язаный зъ гордою землею и весь свій викъ ходыть навколо пей, а вона буцимъ и не помичае ёго... Але й земля безъ мисяця була бѣ не та.

И ось воны, якъ и що-дня, сидять удвохъ на кранкови. Пани на крисли, Олексіевна на камьяныхъ схицяхъ кранку. Передь ними роскынулось усе село. Теперь саме гармань. Люде молотять хлибъ. Все село покрыте стогами, стижками й скыртами пшеници, жыта й инчихъ хлибивъ. Молотьба саме у рѣспали. Торхтять по твердыхъ токахъ важки камьяни котки, ривно-гучно лопотять цины й гудуть віялки, выкыдаючы зъ своихъ пелѣкъ цили хмары половы й пылу...

Чудова картына великои народнѣи праці!..

Але ся картына така звычайна для Тытяны Ахрыканивны и Олексіевны, що воны ии мовъ и не помичають. Всю свою землю пани виддае здавенъ мужыкамъ за грошы, цилкомъ всій громади, и зовсимъ не цікавытся тымъ, якъ люде добувають соби хлибъ.

— Душно сѣгодня,—каже Олексіевна.

Пани мовчыть, затопывши очи у свое плетиння й одномапитно перебираючы голкамы. А сонце спускается все блыжче до саду. Теля, що забрело у панський двирь, безпечно пасется соби у бурьяни. Голубы кружляють по-надъ будынкомъ и голосно буркочуть надъ выкномъ на выстуни.

— А що,—чы не чутъ чого нового?—пытае перегода пани.

— Ни, не чутъ ничого,—одмовляе Олексіевна. —Казала Приська, що неначе у Кошилі теля сказылось,—Хавроценкова собака покачала... Та не знаю, чы правда, чы такъ люде балакають.

— Ну? Оце лыхо!.. Се не гараздъ. Ты нашихъ, гляды, не велы пускаты у череду. Краце ихъ у садъ пустыты. Та прыглядайся, чы не сказывсь, бува, нашъ Бровко?... Бо щось винъ цили дни все спыть, а въ-ночи вые,—каже, злякавшысь, пани.

— Ни, то винь, мабуть, задень пересынае... Не визьме ёго мара!..

А Бровко зъ Терзаемъ тымъ часомъ порозкыдалысь соби й сплять мовъ убыти. Имъ байдуже, що уже скоро й вечирь на двори, и що треба бь такы хочь трохы й похазяйнуваты,—чуже теля зъ якого часу пасется у бурьяни... Але ось Бровко й прокынувся, блымнувъ своимы рудымы очымá, ухопывъ зубамы себе за хвоста и почавъ завдаваты трусу якимсь своимъ ворогамъ, що, не вважаючи на ёго похыли лита и зовсимъ невоёвнычу вдачу, не давалы ёму спокою. Попоклацавшы зубамы и завдавшы страху кому треба, винь важко позихнувъ, мовъ неначе й справди що вельке зробывъ, або було у ёго на собачимъ серци яке важке лыхо, и винь ёго збувся. Позихнувъ, блымнувъ очыма и зновъ скорывся непереможному напльови собачыхъ спивъ и мрйй.

Але теперь недовгый бувъ ёго сонъ и непрыйемный просынь.

Сонце сидало ныжче й ныжче. Пани сыдила й конырсага голкамы, Олексіевна прыгадувала ще якои новыны, якъ изъ стайни, хытаючысь зъ просонку, выйшовъ Остапъ. Зупынився винь на дверяхъ, почухавъ ногу выще колинь, трусонувъ чупрыною и тилькы що хотивъ бувъ пустыты пятаерыцю въ потылицю, якъ очи ёго побачылы прыблудне теля. Винь одразу оживъ. Схопывъ у руки дви каминюкы й гукнувъ хрыкымъ зъ-просоння голосомъ:

— Цю—цю! Бровко! Терзай!.. Туй-во!..

Але собаки не озвалысь на ёго поклыкъ. Гаряча душа Остапова не стерпила такой зневагы и винь, широко розмахнувшись, шпурнувъ каминюкою въ собакъ. Каминюка влучыла въ Терзая. Той зъ просонку залементувавъ на весь двирь и, пидгорнувши хвоста, кынувся не до теляты, а геть за очи.

— А, кляти, туй-во!.. туй-во!.. куси!..—крычавъ Остапъ, шпурляючи каминнямъ въ теля и побигъ за нымъ ажъ до ворить.

— И чого винь дурный ганяется?—каже пани.

— Та такъ, мабудь переспавъ, то сердытый.

— А чые то теля?

— Здається—Ленетюкове.

— Ну, й нехай бы попаслось...

— Отъ пиды жь зь нымь!.. То слова видь ёго не допытаешся, ледви языка повертае, а то бачь, якъ розходывся!..

Розмова зновъ порывається. Остапъ, выгнавши теля, вертається до стайни и починая выводыты коней, щобъ весты ихъ до воды. Разивъ зо-тры наважується винь снсты верхы на гнидого, високого коня, але той не дається. Остапъ лається й смькае за поводы. Зализни удыла бряжчатъ и бьють коня по щелепахъ. Винь високо задырае голову и одступае назадъ. Поповозывшысь килькы часу зь непокрнымъ гнидымъ, Остапъ такы сьдае на ёго и починая настёбуваты ёму кинцемъ повода боки. Кинь стае на дыбки, потимъ раптомъ кьдається впередъ. Дви другихъ конякы, жахаючысь, тягнуться на поводахъ и трохы-трохы не стягають Остапа на землю. Винь лютуе й лається. Нарешти выйиздыть зь двору.

Теперь у двори зновъ тыхо. И пани такъ саме сыдыть зь Олексіевною на крапку, такъ саме, на тимъ самимъ мисци, де вона сыдила що-лита уже килькы десяткывъ рокивъ. И теперь, якъ и що-року, та половины и облычя, якою вона сыдыть до сонця, и та рука, що пры плетинни бувае зверху, загорилы далеко бильше того боку облычя й тїен руки, що бувають у холодку.

— Попенята уже йдутъ купатысь — каже згодомъ Олексіевна.

— Нехай бы самоваръ ставылы,—одмовляе пани й пидводить видь роботы очи, щобъ подывытысь на попенять.

И видно, якъ зь попового двору выйшло трое хлопцивъ: старшый—худый и довготелесый, двое меньшыхъ—одутлувати й кривоноги. Шкутыльгалочы кривымы ногамы, воны плентаются черезъ майданъ до ричкы.

— Учатся вже вси,—промовляе Олексіевна и, пидпершы щоку, хытае головою.

Сонце зовсимъ спустылось до саду. Чуты, якъ до села наближається череда. Зь другого краю села чуты отару. Робота на сели трохы прытыхла.

Пани й клюшныця мовчатъ.

Кожна зъ ихъ мае свои думкы, але вони ридко ими подиляються. И ти думкы ридко колы виходять поза межи свого села.

А попенята спустилися зъ кручи до ричкы, пройшли геть берегомъ по-пидь нею й вийшли на шыроку висчану косу, що овъ на долони выдко зъ панського кранку. Тры ихъ постати чудово видбываються на билому писку. Ось двое малыхъ побиглы наввыпередкы... Ось одынь выпередывъ другого... Той сылкуется наздогнаты попереднёго... простягае руку, щобъ ухопыты ёго за сорочку. Колы попередній разомъ ухыльнувся въ бикъ, пидставившы ногу заднёму, и той зъ розгону врывається головою въ бильый, сыпкый писокъ... А старшый, не хапаючысь, одноманитно махаючы й руками й ногами, йде до берега. Роздягається и зъ розгону кыдається въ воду. Уже вси трое въ води... Вони плавають и пурпають, мовъ вутята. Брызкаються й крычать... А на другому берези ричкы сыдыть якыйсь дидокъ, мабутъ безридний дидъ Пылыць, и надыть рыбу. А ныжче мисця купання шумлять и выблискують своими черно-едвабными крылами водяни млыны—байдакы. На берези стоить повозка...

Все те бачыть Тытяна Ахрыканивна и згадуе,—якъ-то гарно колысь, колы вона була молодою, було купатысь! Оттакó, якъ и попенята, и вони колысь зъ Катериною плескалысь й хлопалысь оттамъ у прозорій, теплій води, на чистому, билому писочку... Плескалысь...

— Самоваръ поданый,—несподивано каже, зъявившысь у дверяхъ зъ кимнаты, босонога слугивныця Пашка.

И пани бере свое илетиння, важко пидводыться зъ свого важкого старосвитського крисла и тыхою старечою ходою йде до кимнаты.

Въ зали, на круглому, червоного дерева, столи стоить самоваръ, суццыкы и все инше, однакове що-дня: пани такъ любесе ии завычка. Вона повагомъ наливае сама соби чаю у свою чашку, що куплена була колысь у Парыжи, на выстави, ще за жыття ии чоловика, и не поснишаючысь пье ёго.

День скинчывся. Надходыть вечиръ. Потимъ нечутно заступе ничь, а тамъ зновъ—день... И такъ багато рокивь живе стара

пани. Все іи поважають. И вона никому и николи не зробыла свідомо зла. Диты іи, яки булы у неї, уже давно повыходылы въ люде й жывуть своімы семьямы по иншыхъ краяхъ. Вже й воны повбиралысь въ лита, а вона, яка була десять лить назадъ, така и теперь: спокійна, ривноважна й незлослыва. Селяне стриваючысь зъ нею въ цвинтари, бо вона бильше пиде не буває, скидають шапки и пызько ій кланяются. Батюшка кожнус лужбу выносе ій самъ на таці проскурку и выявляє ій всяку пошану, але мовыты—робе винъ се соби не безъ корысти: ёму незридка де-що перепедае...

Тилькы одынъ довготелесый поповычъ, одынъ на все село, и то треба думаты що ніякъ, а едыно тилькы, якъ каже ёго батько, «по своій дуросты бурсацькій»—насмилуется глузуваты зъ старої пани.

— Дывитесья,—иноди каже винъ братамъ пился обидь,—уже выповзла на свить «божа коровка»,—можна йты купатысь. Шукайте рушныка та мыла...

— Дурню!—осикъ ёго разъ, почувшы ти слова, батько:—сміешся ты зъ Тытяны Ахрыканивны, а чья на тоби, бовдуряці, сорочка?.. Того не знаешъ!

Сынъ перемовчавъ. Але въ души винъ дывуется батькивській логыци: «Божа коровка й есть, бильшь ничого; що тутъ такого, щобъ лаятысь? А що сытцю подарувала на сорочки, то то іи дило... не прохано!..»

И такъ живе на свити, у теплому затышку, стара пани,—тыхо, смирно, не роблючы ніякихъ голосныхъ дилъ, а якъ умре, то не кыне на свити а ни якого слиду. Тилькы, мабуть, селяне не забудуть іи, бо прыйдуть за нею люде, що будутъ выбываты зъ ныхъ кожну копійчыну, будутъ выраховуваты кожне зернятко, що зародыть имъ доля на панській земли...

Степовый сокиль.

I.

Весна була рання, дружна. Снігъ зійшовъ скоро, и степъ заразъ же почавъ зеленити. Повіялы зи сходу суховіи й скоро жъ высушылы землю й обвіялы, обсмажылы облыччя степового люду. Де-не-де прокынувся видъ зимового сну чепурный, сивенькый ховрашокъ; вылизъ винъ зъ своен темной норы, продеръ за зиму заспани очя и свыснувъ першу свою псню, стовбчыкомъ ставшы на зазеленилому горбочку.

Весняна степова робота була саме въ роспани. Скризь, ажъ до далекого пивденного моря, люде краялы плугамы чорну вохку землю, кыдалы въ рыллю сухе золоте зерно и зубчастымы боронамы роспушувалы, чесалы й перечисувалы повне родючої сылы лоно земли. Тилькы вугильни шахты та залізноробни заводы курылы своымы чорнымы высоченнымы дымарямы, ховаючысь де-не-де цо степовыхъ балкахъ, уныкаючы цо низынахъ, або мріючы цо шыляхъ и ребрахъ гирськихъ кряживъ. Тамъ не зналы ни зимы, ни весны. Тамъ, у надрахъ земли, довбалы й рвалы чорно-блыскучи вугильни пласты; тамъ, пиднявши вугиль на поверхъ, перепалювалы ёго на матовый низдрастый коксъ; тамъ, у велычезныхъ печахъ, такъ, якъ варыть добра госпоdynя цо свою семью у горщечку грецьку кашу, варылы-тошылы жовте каминня—залізну руду. Зъ тыхъ печей, цо проводахъ, биглы огняни струмни й застыгалы въ велычезныхъ штабахъ, и ножи краялы

ти гарячи, ще рожеви штабы на рельсы, якъ та жъ сама госпо-
дыня крышыть у борць моркву.

Тамъ не помичалы ни звычайныхъ у тизь краю суховінь,
ни першого свысту ховрашка.

Кипчався вербный тыждень. У повитовому мисти на той
часъ що-року бувавъ ярмарокъ, и теперь по чорныхъ, ще неза-
порошенихъ шляхахъ до ёго зъ усихъ краивъ по степену зъйизды-
лысь люде. Саме мисто лежало у лоццни, надъ маленькою рич-
кою, ушъявнысь своими будынкамы й хатамы у важкый, глеюва-
тый грунтъ, урвынысь у ёго и пустывны свое кориння геть на
вси боки по яркахъ и рудыхъ провалляхъ.

Ярмарокъ тилькы ще почынавсь. Люде зъйиздылысь, але
торгу ще не було ніякого. На велькому ривному майдани пере-
купкы дарма заклыкалы покущивъ-селянь, — ти ще не йшлы до
ихъ столивъ зъ печеною рыбою, чахонью, оселедцями, таранею,
наляныцями й бублыкамы и велькымы мидянымы самоварямы, —
такымы старымы й понивеченымы, що сказавъ бы — булы воны й
идь Севастополемъ, и идь Плевною та и ще мабуть у якыхъ-сь
невидомыхъ свитови, але важкыхъ баталіяхъ.

Покущци не йшлы до ихъ. Воны ще малы свій харчъ зъ дому.

Цыгане дарма гарцювалы киньмы й выгукувалы тежъ по-
кущивъ, — ніхто не прыцинювавсь до ихъ баскыхъ, загода добре
набытыхъ пугамы, пужалнамы й чобитьмы коней. Ждалы, щобъ
стала цина.

Сёгодня зъ-обидь суховій уцухъ и подыхнуло зъ швиди
тепломъ й вохкистю. Надъ-вечирь почавъ накрапаты дрибный и
ривный дощыкъ. Люде сьдилы идь возаы. Мокри кони й волы
жувалы вохку запащну солому, а собаки, що тежъ увъязалысь
до ярмарку, скося поглядалы на незнаныхъ имъ, новыхъ сусидь,
але лежалы смырно й поважно. Воны добре зналы, що булы не
дома у себе, де-небудь у Крывій Балци, або у Семьхативци, а у
повитовому мисти, де жывуть не прости мужыкы, а паны вель-
можни, що въ бильшости мають довжелезни, сами найпалестын-
ськи носы и бердычевськи пейсы.

Все було незнаёме,—и вулицы зь возивъ, и сусиды. И тому то Рябки, Сиркы, Шарыкы й инши селянськи дармогавы поводылыся смърно, поважно, зовсимъ навпаки своему звычайеви.

На майдани, посередь ярмарку, булы наvernени горы усякого краму. Тутъ булы: колеса, почвы, горшкы, плугы, бороны, вѣялки, возы й сани, викна, видра и чавуны й инше добро. Тутъ же сыдивъ, закрывшысь кожухомъ, старый, знаный на ввесь повить, коваль Вовкъ. Передь нимъ лежалы ёго роботы кинськи пута й свердельчыкы. Биля ёго зибралась купа народу. Сыдили навколишкахъ и роздивлялысь пута. Складалы ихъ и роскладалы; прымирялы соби на руки, клалы пута зновъ до купы и зновъ бралы въ руки.

Вовкъ сыдивъ и байдуже поглядавъ на мужыкивъ. Винъ зовсимъ не мавъ надѣи, що хто зь ихъ сѣгодня купыть у ёго хочъ одне путо або свердельчыка. За свѣй довгый викъ винъ добре визнавъ селянь: торгъ буде завтра та пслязавтрѣго, а сѣгодня тилькы—прыцинка.

II.

Розмова снувалась якось недбало. Кажалы такъ, абы що казаты.

— Ну, зь цѣго пута чорта рытого що выкрадешъ!—промовывъ одынъ зь мужыкивъ, любуючы на важке, дебеле путо.

— Дывысь, твоя шкана ще ёго й не потягне!... —озвався до ёго, осмихаючысь, сусида-землякъ.

— Хто?.. Моя кобыла?.. Эге-ге! така вона й есть!..

— Потягне, чы не потягне, а такы правда,—путо добряче. Коло ёго й метецъ попомудруе!—прыставъ до розмовы третій сусида.

— Э, ни! Путо це намъ—такъ воно путо, а на доброго чоловика такъ воно—казна-що!..

— То правда.

— Та ни,—такы поцоцокается и добрый злодѣй.

— Розкажуть!..—перещынувъ розмову землякамъ старій селянынъ зъ другою слободою, зъ довгою, сывою, по кинцяхъ жовтуватою, бородою, у рудій старій смушевій шапці. — У ёго на все есть одмычки. Хіба винъ буде ёго бытъ?.. Стане винъ! П-хэ!..— Винъ те туды поверне, а се туды, тамъ прыдавить,—такъ воно само спаде зъ конякы, мовъ обь весни шкура зъ гадюкы.—Знаю я си штуку! У насъ черезъ волость вель одного такого пташка—заковани й руки й ноги. Заперлы ёго въ холодну, колы поглянуть трохи перегода у викно, а винъ сыдыть на лави, на рукахъ ничего немає, скинувъ зъ себе сорочку й довбеться у комири...

— Мабуть нужда, сердегу, обсила,—засміялысь селяне.

— Мабуть,—почавъ дали сповидачь.—До ёго,—а винъ каже: «не турбуйтеся,—казённое добро не пропаде. Все гораздъ буде». Покры увійшлы въ холодну,—уже винъ и одягнений и закутый.

— То винъ, каторжный, очи одводывъ,—завважывъ другый дидь, зъ жовтымъ, безбородымъ, у зморшкахъ, мовъ у скопці, облыччямъ.

— А хіба то правда: можно очи одводыты?

— Та вже жь, мабуть, стари люде не брешуть, колы кажутъ. Уже не дарма кажутъ!—видповивъ трохи образливо жовтовидый дидь.—Онъ у нашего жыда, Фуксы, якъ кони выведено!?. Булы замкнени у стайни, и наймытъ спавъ пидъ дверыма. Та ще й не пизно було: тилькы-тилькы люде облягаты почалы... Самъ жыдъ ще й не спавъ...

— Гроши, мабуть, чортывъ пархъ, личывъ!..—не втершивъ укынуты сливце одынъ зъ селянъ.

— Чы гроши личывъ, чы що друге робывъ,—того не скажу, ну, а не спавъ ще... И свитло въ хати горило. А *винъ*,—туть оповидачь якось таемнычо пидвивъ до-горы безволоси бровы и забалакавъ зовсимъ тыхо, мовъ боячысь, що хто пидслухае,—а *винъ* пидходить до ёго наймыта значыть,—нашъ такы парубокъ бувъ,—та й каже: «а ну, Петре, посунься трохи!» Тому здалось, що то хазяинъ стоить,—винъ и посунувся. Одсунувся, що й двери

можно видчыныты въ стайню... А той поодмыкавъ усе: якъ уже вигъ тамъ одмыкавъ,—не знаю... Вывивъ коней... пара добра була,—чотыри сотенни давалы, такъ не взявъ жыдъ... Вывивъ кони, сивъ верхы та й подався!.. Прокынувся наймытъ—вигъ тамъ и спавъ,—тыльки цо першый сонъ перебувъ, колы глядъ:—двери видчынени!.. Вигъ у стайню, дума: «цо жъ се я забувъ и доси кони завесты?»... Туды—ажъ коней й слиду немає!.. Высятъ сами пута на яслахъ... И ничогисенько не поламано, и замкы цили... Та ще, гаспедивъ сынъ, и пута порозвишувавъ на яслахъ: «на-те, мовъ, вамъ,—запирайте ще!..»—Той тоди до жыда: такъ и такъ... выведено кони... А жыдъ ухонывъ ключы одъ стайни—ёму ихъ наймытъ прынись зъ-вечера—«якъ же», каже, «такъ: ключи жъ ось у мене?..»

— Эге, ключы!..—засміявся коваль, прытонтуючы велькымъ пальцемъ правыци тытюновый попилъ въ люльци.

— Ключы! Цо тамъ ключы! Попоцокайся ими!..

— Куды!..

— Оттаке!

Уся кумпанія сміялась, уявляючы соби переляканого и збен-теженого жыда зъ ёго ключыма.

— Ну, й цо жъ?

— Та ничого, такъ и пропалы кони.

— Отъ тоби й путо!..

Селяне дывувалысь. Той злодій здавався имъ якымъ-ся характерныкомъ, проты якого ничого не вдіешъ. Прыйшовъ и взявъ, цо хотивъ, а ты тыльки дывысь на ёго!

— Се люде таки,—почавъ дали розмову довгобородый у рудій шапци дидъ, мовъ угадуючы думку всіхъ,—се таки, цо боронь одъ ихъ, Боже! Скільки вже воны намъ лыха наробылы!.. И ничого не вдіешъ. У насъ по-надъ селомъ и шляхъ есть такий... Та вы, мабуть, знаете: злодійський шляхъ?.. Такъ ёго й зовуть. Иде вигъ якъ-разъ по кряжахъ: по-надъ Поповымъ Лисомъ, Мидгирнымъ, Ивановкою, Камьянкою, ажъ прямисенько на Ростовъ та Таганрогъ. Отъ воны, идолови души, тымъ шляхомъ и ганяють нашихъ коней. Степь... людей тамъ немає... Ну, имъ и

воля: жены, хочь голову собі зломь!.. Одного разу, у-осены, оремо мы зь сыномь бия Пидгорного; чую въ-ночи—стугоньть земля... Та такь же тоби стугоньть, мовь табунь коней бижыты... Прокынувся я, дывлюсь,—ажь по пляху щось таке такь тоби чеше, такь чеше!.. Верхы... и двое коней на прыводи веде: «Злодіяка», думаю, «щобь тоби чортяка голову скрутыла!» Коли чую—зновь стугоньть: другый летыть. Веде четверька. Я якь гукну: «А—эй!.. держы злодія!..» А винь якь лясне пугою по коняхь, якь гукне собі,—тільки ёго й бачывь!..

— Се таке кляте зилля, що зь нымь ничого не зробишь.

— Чому не зробишь?.. Треба добре стерегты кони, то й цили будуть,—промовывь маленький чоловічок, ще молодой, у черкасыновій чумарчыни, зь гостренькымъ носыкомъ и цаныною боридкою: винь все до сёго часу мовчавь и тильки жыво-жыво копырсавь передь собою цинкомъ землю, мовь горобець соняшне дупшыня.

— Стерегты... Онъ «у Фуки стереглы, де вже краце!..—видновивь ёму оповидачь про Фуксыну прыгоду.—Стережы, не стережы, а захоче вывесты, то выведе...

— То такы правда: у Фуксы нема краце, якь зроблено, — промовывь довгобородый дидь, похытуючы головою у рудій шапци.

III.

— А у насъ ще краце було,—промовывь ще хтось новый, що стоявь бия гурту.

Селяне оглянулысь на ёго знизу и насторчылы вуха. Але той мовчавь. А всимь такь хотилося послухать чогось цикавого. И здавалось, що сей чоловіяга може росповисты про щось цикаве. Се бувь коноваль, а коновалы народь бувалый. Навить до того часу нерухомый коваль Вовкь поворухнувся, кахыкнувь и на хвыльну выпустывь зь рота свою люльку, допытливо дывлячысь на коновала и мовь кажучы: «ну, що-жь? починай, брате!»

— Та ну жь бо, кажить, що тамь у вась було!—обизвався вдруге маленький рухливый чоловікъ зь ципкомь, и ёго очи прыщулылысь, а невеличка голова зь зацікавленнємь вытягалась на тонкій шыйци напередь. Ёму страшенно хотилось послухать, що тамь такого було, що ще краще того, про що оповидавъ безбородый и безбровый, зморшкуватый дидокъ.

— Та що жь казаты,—почавь, мовь нехотя, новый оповидачь,—звистно, якъ злодій, то й злодій. Коженъ злодій на те злодій, щобь дурнивь дурыты.—На ярмарку въ Лугани, що бува обь Спаса, бувь одынь чоловіьяга и нагледивь винь соби, значить, тамь у другого чоловіка добрячого конька. Маштачокъ такы справди нивроку: круглый, мовь злытый; самъ вороный, а на лоби лысына; грива густа, блискуча... Ну, скажемо, конькъ хочь куды! До хазяина: «продай», каже, «що хочь, визьмы!» Той не продае, каже—не продажный.—«Та ну жь бо, продай!»—«Ни, не продамь», каже, «и балакаты ничого!».. Що туть будешь робыты?

Оповидачь прыщипывся. Обвиць острыми, провызуватыми очима всю кумпанію, вынявь зь кышени кысета и почавь робыты цыгарку. Ёму було рокивь трыдцять пять. Облыччя у ёго було смугляве, цыганкувате. Зросту бувь не вылыкого, але въ плечахь огрядный, а одягнений въ стару чумарку сынёго сукна. На пояси у ёго вислю всяке коновальське прычандаля. Винь не хапаючысь диставь зь кышени кысета й тако жь поклавь ёго туды зновь.

— Ну, що жь дали?—не выттивь зновь горобцоватый чоловічокъ зь ципкомь.

— Пожды, завтра торгь буде,—промовывь осмихаючысь коноваль.—Чы нема у кого близько сирнычка?

Ёму дали сирнычка. Винь закурывь цыгарку, затыгся дымомь и, здавалось, зовсимь забудь, що винь почавь щось розказуваты.

— Такъ якъ же, каже: непродажній?..—нагадавъ ёму зновь сиренькый горобчыкъ и почавь ще жвавише торсаты ципкомь якусь соломынку.

— Эге жь,—зитхнувшы й сиюнувшы, мовь знехотя почавь коноваль. «И за сто карбованцивъ», каже, «не видамь коня». Перестоялы ото день, уже хочь и до-дому йихаты. «Продай». каже.—«Ни, не продамь». А той чоловікъ—душа горяча, за полы ханається: продай та й продай. Дуже упавь ёму въ око той кинь... Ажъ тутъ ёго й видводить у бикъ чоловічокъ... такъ соби... незнаёмый. «Що дасы,—каже—чоловиче, твоя буде коняка?»

— «А якъ же ты зробишь?»—«Та то вже мое дило»—каже. Ну, и поладналы воны: такъ и такъ,—пивсотни карбованцивъ ёму, якъ приведе коня.

IV.

Оповидачь зновъ прышынывся. Подывывся на своихъ слухачивь, обвивь очыма весь майдань. Сонце, заходячы, саме выглянуло на хвылыну зь-за хмарь и ще разъ освитыло й мисто, й ярмарокъ, и били ятки на майдани, напъяти ряднамы, били якихъ бабы-пекарькы варылы на двори вечерю. Видь ихъ повійнуло до коновала пахучымъ дымомъ и смакомъ добре упеченой рыбы.

Винь сиюнувь и почавь дали:

— Ну, такъ пойихавь той мужыкъ до-дому... «Щожь,—каже волею не продаешь, то сылувать не стану». Пойихавь и хазяинь того коня. Запригь соби й пойихавь. Купывь винь віялку—йихаты важко, то йиде соби повагомъ. А чоловікъ той, що взявся коня добуты—за нымъ, за нымъ... Прыйихалы въ село, де жывь той мужыкъ. И чоловікъ той за нымъ. Баче винь, що чоловікъ той, хазяинь того коня—людына заможна: жыве добре, двирь увесь обгороженный, а стайня зроблена пидь однією стрихою зь хатою. И хиде черезь сины. Сучого сына выкрадешь! Ну, та ничего.

— Переночувавь той чоловікъ ничь на городи въ бурьяни. Тилькы стало свитаты, мужыкъ и пойихавь на поле. Узывь и кони зь собою. Старый пойихавь та два сыны й дви невесткы.

Зосталась одна баба та диты. Отъ выйшла баба за чымъ-ся зъ хаты до комори, а той,—винъ ще ранише перебрався зъ городу до хлививъ,—заразъ въ сины, та на горице. А дытына й побачыла ёго,—такъ хлопчыкъ-пузанчыкъ, ледви одъ земли видно. Прыходыть баба, а воно й каже: бабусю, а тамъ дядько!—й показуе на горице. «Де тамъ у греця дядько»,—каже баба—«то тамъ сало у мишку». А сало такы справди висыть у мишку на бантыни. «Ни, дядько».—«Патякай»!—каже. А той сыдыть соби—ничычыркъ!

— Просыдивъ до вечора. Прыйиздять зъ поля вси й коней прыводятъ. Пovyпрягалы. Силы вечеряты у синяхъ. А той сыдыть на горици, ёму й выдко все. Повечерялы. Старый и каже: «заводьте жъ коней, хлопци, у стайню, та й самы тутъ у двоухъ лягайте. Бо теперь ярмарокъ,—багато всякого народу блукае». Ото завелы коней, засунулы засовомъ двери, послалы повсть саме пидъ дверыма и лягають спать обыдва сыны головами у стайню. Що тутъ робыть? Ще й рушныцю положылы бия себе.

— Отъ, якъ вси поснулы, чоловикъ той взявъ зъ бантыны сало и злазыть зъ горица. Поставывъ сало на порози... Що тутъ утнешъ: лежать двое на повсти, здорови таки обыдва. Отъ винъ узавъ та тыхесенько й лигъ мижъ пымы посередыни. Воны думаютъ, що имъ тисно, збылысь до-кушы, и порозсувалысь дали видъ ёго. Полежавъ винъ такъ трохы, смирно соби, а потимъ прыкотывся до одного, прытулывся до ёго... Тому душно,—винъ и одкотывся дали. Тоди винъ до другого—и той геть одкотывся. Воны, звисно, сплять й посуваются вви снi. Така думка, що воны у двоухъ. А въ литку, знаете сами, одно видъ другого, мовъ одъ вогню, тикае. Ну, ото винъ позсовувавъ ихъ геть зъ повсти, а тоди вставъ, одсунувъ засова й видчынывъ двери. Тоди постриножувавъ тыхъ коней, що стоялы зъ воронымъ, а вороного вывивъ геть изъ стайни тыхесенько соби по повсти. Ти хлопци сплять, ажъ хропуть, ничого не чують. И старый на двори спыть на дрогахъ. Отъ винъ видчынывъ ворота, взявъ сало, взявъ рушныцю, сивъ на коня, та якъ гаркне, якъ свысне, якъ стрельне

зъ рушныци!.. Тилькы ёго й чулы!.. Ти, звисно, прокынулысь: туды-сюды, що та якъ... Нокры роздывылысь, у чому тутъ сыла,— эге-ге!.. ловы витра въ поли!..

— Ну й не наздогналы?

— Куды тамъ! Такой и винъ бувъ, щобъ дався въ руки! Нокры воны тихъ коней поростриножувалы, такъ уже ёго й не чутъ було. Ничъ була хмарна. Вылетивъ винъ за село, пройхавъ зъ пивъ-версты по шляху, а тоди звернувъ просто въ поле, та выгономъ об'їхавъ по-за селомъ назадъ, тай пойхавъ соби зновъ такы по шляху въ другый край. Ти летять туды, де винъ показавъ имъ дорогу, а винъ и пойхавъ соби геть, куды ёму треба було. Другого дни після полудня й прививъ коня новому хазяинови.

— Що жъ, и заплатывъ ёму той чоловікъ, якъ умовылысь?

-- А вже-жъ, що заплатывъ!

V.

Слухачи дывувалысь. Мырымъ, байдужымъ селянамъ маловалась картина, якъ винъ, той злодїй, такъ обдурывъ добрыхъ людей. Та ще й стриляє: вате, мовлявъ, вамъ ловить!..

— Отъ собака, такъ собака!

— Именно—собака!

— Двое не встереглы. Оттаке!

— Та иншый бы тыхенько соби, а винъ зъ рушныци ба-бахъ!..

Нокры слухачи дывувалысь, прыгадуючы, якъ було дило, коноваль-оповидачъ непомитно счезъ, мовъ кризь землю провалывся. Нихто не помитывъ, колы винъ и одъ гурту одїшовъ.

— Де-жъ це саме було, у якому сели?—поспытавъ коваль и повивъ навкругы очима.

Коновала уже не було.

— Де-жъ це винъ подився?—дывувалысь люде, озыраючысь.

— Хто такый, кого це вы выдвляаетесь?—запытавъ ихъ незнаёмый имъ селянынь, що пидходывъ саме тецерь до ихъ гурту.

Ти розказалы ёму.

— А якый винъ зъ облыччя?—запытавъ той.

— А що, хйба?

— Та отъ вы скажыть, тоди й я вамъ скажу.

— Та чоловникъ, якъ чоловникъ...

— Ну, а на облыччя якый?

— Чорнявый.

— Велького зросту?

— Ни, отакого, якъ я.

— А на цыгана не скыдаеця?

— Та трохы есть... Тилькы винъ не цыганъ.

— Ну, такъ ото-жъ знайте, що ото винъ самый—той злодй—и есть! То жъ винъ самъ й выкравъ того коня. Я самъ на свои очи бачывъ того мантачка: гарный коняка! Тилькы той чортъ трохы перегнавъ ёго... Винъ самъ зъ нашего села, зъ Орихового, Сокиль—прозвыще ёго. Ого-го, яки винъ штуку выробляе!..

— Чомъ же ёго у Сибиряку не запровторять,—спытався жовтовыдый дидокъ.

— Эге!.. запровторьте!.. Ёго ще ни разу и не судылы:—не пймаешъ. Тамъ така хытра штука, що ну!..

Селяне дывувалысь. Такъ ось яка сторія. Онъ яки бувають злодйи! Де-котри навить почалы лапаты у кышеняхъ: чы не показыйнувавъ винъ тамъ у ихъ.

— Та невже жъ такы справди то винъ?

— Отъ ей-Богу, що винъ.

— Та ни?

— Та кажу-жъ.

— И самъ оце такъ-о розказуе про себе?!..

— А що жь вы думаете? Що ёму пошкодыть? Вить не боится ничего.

— Дывысь ты... Отъ такъ сторія!..

И довго ще дывувалысь селяне.

Вечорило. Дрибный дощыкъ давно вже переставъ. Тепла мла обгортала й мисто й ярмарокъ. А коноваль у сынїй чумарци уже ходывъ у другому кинци ярмарку, и ёго гостри, пронызувати очи выглядалы молодецькою добычи.

ТОПОЛИ.

Иванъ Кузьмычъ, якъ завждь, повертався зъ контрольной палаты спокійный и ривноважный. Ранняя весна трохи підбадьрювала ёго, и винъ навить зупынився бувъ на перехресті свого переулка, підвивъ у гору до сонця свои сири, короткозори очи й двичи чхнувъ. Ся несподиванка трохи ёго була стурбувала. Винъ озырнувся навколо: чы не підглядивъ хто сіей прыгоды, та жвавише потупотивъ у свій переулокъ.

Ёго невеличкый власный будыночокъ стоявъ саме надъ кручею, на кинци мѣста. Внизу выдко луки, левады, чымалу ричку. За ричкою зновъ починаясь луки и тяглысь ажъ геть до обрїю, де мрїло село. А саме зъ-пидъ тіен кручи, де прылипылась, мовъ гнїздечко ластивкы, хатына Ивана Кузьмыча, вырынавъ высокый насыпъ и тягся, обсаженный зъ бокивъ вербама, ажъ до ричкы. То було шоссе. На ричци бувъ высокый и довгый деревьяный мѣсть и якъ-разъ до ёго доходыла вузько-колїйна залізныця й тулылася зъ своею дрибненькою рудою станцією до насыцу, мовъ ховаючысь видъ свиту помижъ ёго вербама. Дали, геть-геть за станцією, уже близько до обрїю, навить переходячы черезъ ёго вершынама, вымалёвувався рядъ стрункыхъ тополь.

Ти тополи всѣму краевыдови надавали чогось такого, безъ чого винъ бувъ бы холодный, сумный и непрывитный. Кто-бъ зъ мѣста, зъ-надъ кручи, не дывывся на луки й ричку, очи ёго мыхитъ прыковувалыся до тыхъ тополь, що въ ясни дни такъ

выразно мрили своїмы ставными постатями на блакитному сяєві неба.

Иванъ Кузьмычъ, якъ звичайно, не хапаючысь пообідавъ тымъ, що принесла ёму стара сусида, у якої вінъ харчувався; роздягся, надягъ на себе стару щоденну одижъ, скинувъ чоботы, вступивъ у м'яки пантофли и хотивъ бувъ уже, своимъ звичаемъ, залягты на лижко, але щось тепле й живе, що вінъ почувавъ у своєму тили, не дало ёму сёгодня зразу дати собі звичайный видпочынокъ, и вінъ почавъ ходыты туды й сюды по своїй невеличкій, осяяній веснянымъ сонцемъ, свитлиці. Чы то ласка сонця, чы то чарчына горилкы, що вінъ дозволивъ сёгодня собі «по трудахъ», чы те й те вкупі, — тилькы вінъ почувавъ себе надзвичайно гарно. Сёгодня навить управытель палаты похвалывъ ёго працю. А се важна ричъ. Се такъ корыстно за-для ёго дрибненькои карьеры!

Иванъ Кузьмычъ ходывъ и ходывъ. Вінъ думавъ. Ни, вінъ не думавъ, — сами думкы снувались у якисъ безладни мережки и якъ засновувались, такъ и розплитались. То спершу були спогады найблизшихъ подій сёго дня, уривкы палатськихъ розмовъ, а потимъ и одгукы давнихъ, на пивзабутыхъ спогадивъ.

Иванъ Кузьмычъ почавъ нагриватысь. У кимнати таки було душно. Вінъ підійшовъ до одного зъ виконъ, що выходило до ричкы, видставывъ трохи одъ стины стильця, сивъ на ёго верхы, прыщувывъ свои сирі, поблидли очи и почавъ дывытысь на давно ёму знаему картину.

Снигъ давно уже роставъ. Земля була чорна. За ричкою червона лоза выгравала на сонци вышневымъ колеромъ. Вода выходила зъ берегивъ ричкы, розливалась, покы-що, по нызынахъ, мовъ ростоилене оливо, и ставала по лоцынахъ нерухомымы озерамы. Саме пидъ викномъ, въ сухій пищаній землі, до-тепла нагритій проминнямъ сонця, кублылась сусидська ряба курка, а дали, на самимъ рижку, цвиринчалы горобци.

Иванъ Кузьмычъ якъ сивъ, та немовъ и застыгъ. Не погасали тильки ёго очи. Руденьки ихъ він лививо змыкалысь и розмыкалысь. Иванъ Кузьмычъ бувъ зовсимъ спокійный. Вінъ може бь такъ и заснувъ бувъ у такій пози, бо починавъ уже дриматы, колы до ёго вуха долетивъ мицный и довгий стогинь. Вінъ зрозумивъ, що се мабутъ збирается йты пароходъ. Сёго року вінъ ще не бачывъ ёго. Пристани зъ ёго хаты не було видно, хочъ вона була й недалеко, и вінъ поклавъ вартуваты, щобъ не прогаяты сёго першого для ёго парохода. Вінъ мусывъ йты внизъ по ричци.

И пароходъ скоро показався.

Весь билый, по граняхъ тильки обмалёваный червонымы смугамы, зъ чорнымъ, похылымъ дымаремъ, вінъ жваво ризавъ билымъ носомъ блакитный водяный поверхъ, збывавъ свои крыламы на ёму хвылю и бувъ такый чыстый, такый блискучый и жвавый, що прыкувавъ до себе очи Ивана Кузьмыча. На верхнему чардаци метушылысь чорни люде, може де-хто изъ знаёмыхъ Ивана Кузьмыча, и ёму чомусь хотилось, щобъ зъ ихъ хто небудь поглянувъ у ёго бикъ, побачывъ ёго хатыну и згадавъ про ёго.

Пароходъ скоро пролынувъ, и сердце Ивана Кузьмыча стыслось журбою. Никому въ свити вінъ не потрібенъ, вінъ—пидстаркуватый, руденькый чоловчокъ, зъ жовтымы вѣямы й сирымы погаслымы очыма!.. Никому немае дила, чы вінъ живе тамъ, у тій никчемній халупци, чы вінъ спыть, чы може вінъ уже лежить мертвый на своёму убогому лижкови, спитканный наглою смертю, и на ёго дывлятыся, не бачучы ёго, очи портрета вродливои молодой жинкы. Навищо вінъ имъ, отымъ усимъ людымъ, вінъ—безталанна, блида и безколпрна людына?.. Вони не знаютъ про ёго истнування, а хто и знавъ, то давно забувъ про ёго.

А колысь и ёго знали.

Давно, дуже давно все те було—и якъ недавно... Якъ недавно трипотило жыттямъ ёго минуле й снывся отой блискучый сонъ!..

Винь бувъ такой молодой, такой жвавый. Зачисувавъ у гору свое цупке, руде волосся и повязувавъ шыю роскошною червоною хусткою. Винь такъ тоди любывъ оту вродливу людыну, що пар-треть їи высыть на стини, бувъ такой закоханий и мабуть чуд-ный. Винь не мигъ усыдиты на мисци, забачывшы їи: човгавъ ногамы по помосту, выгнавъ свою невеличку постать и говорывъ їй сами що найдобирнійши мылоци. И вона була закохана въ ёго, вона — Маруся — въ ёго — Жана. Такъ, дійсне такъ — Жана. Вона такъ любила се имья и такъ чудово-звоблыво умила ёго вымовляты своимы червонымы губонькамы: Жа-ань!..

Эге, то бувъ сонъ, чудовый сонъ.

Воны одружылысь. Воны одружылысь по весни. Якъ винь любывъ їи, палко винь цилувавъ їи у кари блискучи оченята, въ невелички свижи вустонька!.. Винь покильки разивъ урядъ перециловувавъ їи тонки, «арыстократычни», якъ винь казавъ, пальчыкы. Ёму тоди було дозволено цилый тыждень не являтысь на службу въ палату. Винь раювавъ. Воны раювалы. Винь тоди бувъ мабуть дуже похожий на того жвавого горобчыка, що онъ тамъ, на рижку, такъ чудырнацько выстрыбуе на сонечку бия своей подругы...

Иванъ Кузьмычъ усмихнувся. Ёму стало жалко себе, до-садно за себе. Якъ скоро, и якъ безслидно розвіялось те ёго счастья!..

Винь памьятае все. Винь все чысто памьятае. Ти гыдки, масни очи, ти закручени до горы вусы, облыпкувати червони рей-тузы и ти мизерни, брязкучи острогы, — воны, воны взялы ёго счастья!.. И якъ скоро, якъ скоро!..

А що найголовнійше — зовсимъ для Ивана Кузьмыча неспо-дивано.

Винь, якъ той горобчыкъ, стрывавъ бия неи, своей коха-ной, колы одного разу почувъ:

— Охъ, сумно, сумно мени!..

— Тоби, сердце мое, сумно? Хиба ты не любишь мене?..

Вона мовчала.

Се було тоди, якъ вона познаёмилась зъ тымъ гыдкымъ чоловікомъ у тому мерзенному маскаради. Якъ винъ тоди не хотивъ ити зъ нею у той маскарадъ, якъ прохавъ зостатысь дома!.. Такъ гарно тоди було у ихъ. Винъ самъ натопивъ дровамы грубу, выгорнувъ напередъ увесь жаръ и воны грилысь удвохъ, мовъ передъ каминомъ. Ёму тоди хотилося-бъ навикы зостатысь отакъ укупи бия печы; винъ такъ палко й нижно прыгортавъ свою Марусю, колы вона сказала;

— Ну, часъ одягатысь!

И воны пишлы.

Не пойихалы, а пишлы. У ихъ не було грошей на визныка, ледви стало на Марусине убрання та на билеты. Потимъ того воны довго надолужалы ти гроши, йилы одынъ борць зъ жытнимъ хлибомъ.

И той маскарадъ видибравъ, на вики видибравъ у ёго Марусю.

Тамъ було душно. Танцювало безличъ паръ. Було багато всякого люду. Бувъ и той. У ёго («будь проклять, огыдо»!—вырывается зъ глыбу души у Ивана Кузьмыча) были страшенно вузьки червони штаны, и винъ такъ незвычайно й зухвало танцювавъ, такъ печемно брязкавъ своиы острогамы, що Иванъ Кузьмычъ навить спершу сміявся. Николы винъ не бачывъ ни де—ни мижъ знаёмыхъ, ни въ палати—щобъ люде отакъ поводылысь. Колы винъ взявъ Марусю танцюваты, Иванъ Кузьмычъ ажъ розсердывся бувъ, що той блазень може скомпромитуе ёго кохану, але зновъ ще бильшь розсміявся зъ своеи ревности: та се жъ маскарадъ, вона въ масци; ни хто їи не пизнае!..

Эге, вона була въ масци и потимъ того вона николы вже не здіймала їи. Холодна и страшна була та маска, але вона не здіймала їи...

Ни, зняла.

Се було саме у цимъ же мисяци, у квітни. Оттакъ же було тепло й ясно, тилькы ричка того року розлылась бильше. Тоди була велька повидь. Воны жылы давно вже мовъ чужи одно од-

тому. Якось непомітно такъ воно склалося. Вона тикала видъ ёго и була холодна, холодна, мовъ лёдъ. Холодна й склызка, мовъ змїя. Але вишь іп любивъ. Любивъ глыбоко й безтямно. Якъ вишь жадавъ поговорыты зъ нею «щиро», выясныты—чого вона стала така! Вишь готовый бувъ бы душу виддаты, щобъ маты зновъ іп своєю, такою, якъ вона була ранше. Вишь чі виддававъ ій свою душу, та вона не взяла іп, гыдувала нею, кынула геть. И вишь самъ не пиднимавъ іп, души своєї, зъ бруднои доливкы дійсности. Вишь мовъ завьявъ. На що ёму була та душа безъ ёго сонця, безъ ёго Маруси?..

Було такъ.

— Я йду въ Кывь—сказала вона.—Якъ тилькы прыйде першый пароходъ, я йду.

— Чого?—спытався вишь.—У насъ такъ мало грошей. На Велькдень у насъ будуть вси мои товариши зъ палаты и намъ треба буде добре прыгостюваты ихъ, щобъ сорому не набратысь. Було бъ не йты въ маскарадъ, тоди бъ можна було и до Кыва пройздытысь. Пойпхалы бъ вкупи.

— Тоди бъ не треба було йпхаты въ Кывь,—сказала вона гостро и злобно.—Я йду!..

На тимъ розмова скпчылась. Вона такы пойпхала.

Прийшовъ першый пароходъ и взявъ іп, и бувъ вишь такый саме, якъ и оцей: бильый и блысучый. Вишь взявъ ёго счастья. Ни, не вишь. Воно вже було давно украдене. Укралы ёго ти гыдки, облыпковати червони рейтузы, оти никчемни острогы, намащени, смердючи вусы!..

Описля вона все напысала. Вишь довидавсь тоди про все. Вороття вже не було. И вишь зоставсь самъ у своїй кривобокій батькивській хатыни, вишь,—ростоптаний червьякъ—Иванъ Кузьмычъ Мацко. И съ того часу вишь не живе, а безпомічно мацає навколо себе, якъ справди таки той роздавленный червьякъ, и ничего не вдіє своему горю, и ничымъ не погасыть свого болю, и вси люде ёму чужи й ворожи и вишь всимъ чужый...

Червони рейтузы, закручени високо вусы, жагучи очи того пройдысвита—и вишь, никчемный, руденькый Мацко, Иванъ Кузьмычъ...

— Ха-ха-ха!..

Иванъ Кузьмычъ безгучно засміявся.

Не вінъ самъ засміявся, а тамъ десь глибоко въ грудяхъ у ёго щось засміялось, а обличчя зосталось холодне й перухоме. Сирп очі дивылись, не моргаючи, передъ себе туди, де, залити м'якымъ вечировымъ сяевомъ, стояли струнки, холодні, мовъ мертви, тополи. Иванъ Кузьмычъ сидівъ й несвідомо переличувавъ ихъ: пять... дев'ять... дванацять... трынадцять. Трынадцять?.. И зновъ личить вінъ: чотырі, симъ... дев'ять... дванацять, трынадцять. Такъ, ихъ трынадцять. Вінъ ясно теперъ бачыть, що ихъ трынадцять.

Трынадцять. Се страшно здывувало Ивана Кузьмыча. Колысь, у ти золоті, ясні дні, колы вінъ кохавъ и ёго кохали, вони вдвохъ сиділи оттутъ, біля сёго самого викна и не умовляючысь, але несвідомо якось зв'язуючы свое счастья, свою долю зъ тыми струнками тополями, сылкувались переличыты ихъ. Та зробыты того не могли. Тополі зливались у ихъ въ очахъ. Вінъ казавъ, що ихъ десять, а вона—висимъ, то одынадцять. А ихъ було трынадцять!..

— Тры... над... цять...—шепоче Иванъ Кузьмычъ.

И якесь мистычне просвітлення обгортае разомъ ёго душу. Все ёму стае яснее: все ёго жыття, вся исторія ёго кохання. Трынадцять!..—онъ де розгадка ёго несчатья. Воно було немьнуче. Инакше не могло быты. Але тоді вони обое того не бачылы. Теперъ вінъ баче се и знае.

И кричко-кричко стыслось серце у Ивана Кузьмыча, и вінъ шидвився зъ стільця, упавъ на лыкко и тяжко, якъ нікóлы, зарыдавъ. Вінъ тяжко й довго плакавъ, а сонце спдало за обріємъ и тополи потоцалы въ вечірній мли...

